

ДМИТРИЙ ЩЁЛОКОВ

СКАЗКА

РАССКАЗ

Глаза слипаются, но так не хочется спать. Желтые языки пламени прыгают в бабушкиных очках. Она сидит на маленьком коротконогом стульчике, прижав ступни в шерстяных носках к печке-голландке. Максим сидит рядом, в руках его урчит кошка, кажется, что она тоже внимательно слушает бабушку.

— Ба, а если леший такой хитрый, как же дед его не боится? На улице уже темно, а его все нет.

— Ну как же не боится? Боится. Только не говорит. Он знает лес хорошо, его сложно запутать, да и ружье у него с собой.

— А леший в деревню может прийти?

— Нечего ему тут делать, ему лес нужно сторожить, чтоб никто лишнего не взял, чтоб в его угодьях не зоровал... Да и часовня у нас стоит, побойтся он прийти. Кого нужно, он и так закрутит, в болото заведет иль напугает.

— А Баба-яга?

— Баба-яга может.

— Это все не правда, это сказки.

— А что ж в сказках неправда? — удивилась бабушка. — Люди просто так рассказывать не будут. Все правда.

В печке щелкнул уголек. Кошка встрепенулась, и глаза ее стали круглые-круглые.

ЩЕЛОКОВ Дмитрий Владиславович родился в 1979 года в Москве. Детство и юность провел в деревне Усады Владимирской области. Учился в медицинском колледже, служил в армии. В настоящее время работает журналистом. Учится на заочном отделении Литературного института им. А.М. Горького (семинар М.П. Лобанова). Живет в Москве

— Яга, она летает высоко над деревней, тихо метет метлой воздух и слушает, где ночью кто плачет или озорует. Она того озорного ребенка и пытается в лес утащить. Посмотрит в окно, дождется, когда один останется, и утащит.

— А меня не утащит, дедушка придет и в нее из ружья стрельнет.

Бабушка молчала, она пошевелила кочергой дрова в печи и чуть прикрыла чугунную дверцу.

— Давай, Максим, спать ложиться.

— Нет, я деда буду ждать.

— Вот удумал, а может, он сегодня в лесу останется.

— Не останется, он мне обещал.

Послышался стук, глухо прокатившийся по всем бревнам дома.

— Деда! — вскочил с места Максим.

Дед всегда стучал в дверь, чтоб все домашние выходили на крыльцо и сидели с ним, пока он перекуривает и не спеша скидывает промокшую одежду.

— Деда! — распахнул дверь Максим, и на темную улицу упал желтый квадрат с длинной худой тенью внутри.

Дед стоял у калитки и не выходил на свет.

— Ну, полно прятаться, — сказала в сторону красного уголька бабушка, — как маленький.

Дед, шаркая по траве болотными сапогами, поднес к крыльцу олененка, который то ли от страха, то ли из-за того, что не окреп, неуверенно держался на тоненьких ножках.

— Тащи, мать, молоко, — скомандовал дед.

— Что ж делать-то с таким?!

— Разберемся.

Максим босиком выбежал на холодную от вечерней росы траву. Оленок дернулся в дедовых руках.

— Какой мокрый, — погладил Максим нос у дрожащего теленка.

— Ну, тихо, тихо... не пугай!

— Деда, а он теперь у нас будет жить?

— Посмотрим.

— А можно я с ним завтра погуляю? Я его на веревку привяжу, чтоб не убежал. Можно?

Дед молчал.

Вышла бабушка с трехлитровой банкой молока и двумя чашками.

Дед достал из сумки берестяной коробок и высыпал в одну из чашек чернику. Бабушка залила ягоды молоком и, усадив Максима на ступеньки, вынула из кармана ложку.

Меж ягод всплыли и засеменили ножками букашки. Максим усердно выбирал их и выбрасывал в траву. Раскусишь такого, и во рту долго будет стоять горький клоповый дух. От ягод в молоке потянулись синие завитки.

Черника лопалась на зубах, пахла мхом и дедушкиной махоркой. Дедушка ткнул оленка в другую чашку с молоком, но тот наступил в нее копытцем и перевернул.

— Вот дурень! — выругался дед и взял его на руки. — Пойду во двор отнесу.

— Я с тобой. — Максим отставил ягоды в молоке и увязался за дедом, неустанно глядя мокрую шерсть дрожащего оленка.

— Деда, а он что замерз?

— Замерз.

В мошнике было темно. Запаленная дедом керосинка совсем не светила, за ее черными жирными стеклами неуверенно разгорался, потрескивая, огонек. Бледный свет спугнул здоровую крысу, которая нехотя прошла до угла и скрылась под источенной соломой.

Оленок прижался к дальней стене и, не сводя глаз с людей, потянулся к окну.

— Ну вот, на сене быстро отойдет. Согреется. А теперь спать.

Максиму не хотелось спать. Он лежал и думал об оленке и о лешем.

А гул в небе становился все ближе. Белая тюль зашевелилась, сквозь открытую форточку было слышно, как кто-то постукивает в окно, шелестит.

Максим затаил дыхание и сильнее накрылся одеялом и сквозь маленькую щель смотрел в сторону окна, за которым шуршала ночь.

— Сдурел ты, что ль, — зашипела бабушка, прикрыв дверь с матовым витражом, по которому тень ее, словно клякса, расплывалась причудливым узором.

— Да не видел я его по первой-то. А потом поздно.

— Додумался, и где ж она теперь?

— Да там в логу. Идти надо.

— Дождина-то собирается, куда теперь идти?

— До завтра и не останется ничего, либо сожрут, либо леший этот, будь ему неладная, найдет. Идейный больно.

Максим лежал тихо. Он боялся за дедушку, которому надо было возвращаться в лес, к лешему, у которого без проса забрал оленка.

— Ружье-то оставь, дурень, поймают ведь.

— Не поймают.

— Этот-то, правда, и день и ночь рыщет, не спится ему.

— Не впервой.

— Тихо тебе.

Бабушка приоткрыла дверь. Максим замер.

— Спит уже.

Половица закрипела, на дворе хлопнула дверь.

В небе что-то оборвалось и с треском бухнуло. Окно вспыхнуло синим и на потолке раскинулись тени, похожие на длинные худые руки с множеством кривых пальцев.

— Свят, свят, свят! — послышалось из-за двери.

— Бабуль, — тихонько позвал Максим, поглядывая в сторону окна.

Бабушка, выключив во всем доме свет, легкой тенью подошла к окну, осмотрелась и прикрыла форточку. Тюль замерла, но тени на ней продолжали вздрагивать.

— А дедушка куда ушел?

— Дедушка-то? — она подвинула стул и села возле кровати. — Дедушка, — на мгновение замолчала, — дедушка пошел мать искать. У оленка же матушка есть. У тебя есть и у него тоже.

На крыше дома что есть мочи затрещала-закрипела вертушка.

— Как завертело, — снова подошла к окну бабушка.

Максим подвинулся к стенке.

— Ба, если боишься, ложись тогда со мной.

Бабушка подошла к красному углу. Икона, темная даже днем, сейчас вспыхивала вместе с окном, проявляя строгий взгляд. Бабушка шептала, кланялась, часто крестилась.

Потом молча легла рядом с внуком и долго еще смотрела на потолок.

Максиму стало тепло и очень уютно. Шелест листвы, скрежет вертушки стали сливаться воедино.

Он спал чутко и то ли во сне, то ли нет, слышал, как в доме скрипела половица, как изредка всхлипывала крышка подполья.

— Да тихо ты, как громыхало топаешь... Перепугаешь ребенка.

— Перепугаешь, — ворчал дед. — Мясо вы все горазды есть.

Дождь перестал хлестать о стекло, успокоилась сирень под окном, вертушка на крыше обессилела и лениво перебирала лопастями.

Бабушка в длинной ночной рубаше стояла перед открытой форточкой и смотрела на очистившееся усыпанное звездами небо. Дед, насквозь промокший, сидел у догорающей печки и растирал посиневшие от холода ноги. Его худое тело иногда вздрагивало.

— Еще не хватало, — прошептала бабушка, — намерзся.

— Ничего, на печи отлежусь. Все обойдется.

В дверь кто-то с силой постучал. Потом еще настойчивее.

Максим вздрогнул. Ему показалось, что все это сон. Он услышал, как перестал разговаривать дед и охнула бабушка.

— На же вот, накинь, — говорила она. — Голый пошел.
— Ну, здорово Семеныч, — посылшалось сквозь открытую дверь. Дверь закрылась. С улицы доносился только гул.
— Принесла нечистая, — кутаясь в ватник, причитала бабушка.
— Поймал тебя с поличным, Семеныч, теперь не отвертись, — говорил кто-то на улице.
— Что ты несешь, Вадим! С каким поличным.
— Да уж наследил ты здорово больно. Что ж ты думаешь, стрелять у меня под самым носом будешь, а мне молчи?
— Вадим, но войди в положение. Жизнь-то видишь какая.
— А ты на жизнь не пеняй, всем одинаково. Так что смотри, я заявления писать не буду, но только если сам пойдешь. Скажешь, мол, бес попутал, нечаянно. Придумаешь.
— Дак ружье ж отнимут.
— Ну, это не мои проблемы. Бывай!
Дед прикрыл на засов дверь и, не говоря ни слова, забрался на печку.
— Что же теперь? — робко спросила бабушка.
— Молчи, — только и сказал дед.

* * *

— А что ночью бухало так? Кто-то приходил? — утром спросил у бабушки Максим.

Бабушка погрустнела.

— Это, Максим, приходила мать за ребенком своим. Мы с дедом тоже напугались, сразу-то не разобрать, кто. Я в окно-то гляжу, а она стоит перед самым домом, молнии ее осияют. Грозная такая. И давая копытами-то долбить в дверь сарая. Ну, дед и говорит, что давай, мол, теленочка отпустим, а то ведь не отвяжется, все нам тут переломает. Выпустили мы его, мать-то с ним и убежала.

— А разве олени умеют говорить?

— С чего это?

— А на деда кто-то ругался.

— Ну, уж не то чтоб ругался, — спохватилась она, — а так пострадал немного. Ну, это не олень был, точно.

— А кто же?

— Ну, этого я уж и не знаю. Это у деда пойдя спроси. Он в терраске спать остался. Только ты пока молока вышей. А я спрошу, расскажет он тебе или секрет это, может, ему рассказывать не велено.

Максим торопливо запикивал в себя пресняк и, не дожидаясь, с набитым ртом, бросился к деду, который лежал на расстеленном матрасе, весь залитый солнечным светом. Рядом с ним, на полу искрилась банка кваса. Дед, замотавшись в одеяло, постанывал. Увидев внука, он чуть приподнялся.

— Да как же, — начал дед, поглядывая на бабушку, стоявшую в дверном проеме, — леший-то был. Принесла его нечистая...

— И ружье он у тебя забрал?

— А тебе откуда знать?

— А я слышал?

Дед снова посмотрел в сторону двери.

— Ну, еще не забрал, но сегодня понесу.

— Эх ты! — махнул рукой Максим. — Разве тебе бабушка не говорила, что чужое нельзя из леса брать-то? Хорошо, хоть не закружил...

— Чего? — не понял дед, и на лице его застыла тоска. Он накрылся с головой одеялом и отвернулся к стенке.

— Ты, дед, не переживай, может, еще отдаст.

Дед подогнул колени и затих.

— Ну, пойдём в огород, деду отдохнуть надо, — сказала бабушка. — У него еще дел много.

Весь день покопался Максим с бабушкой в огороде. Бабушка полола,

а Максим обдирал малину, а потом лежал на раскладушке на чердаке, среди старых книг и тряпья. От крыши шел жар, и иногда железо ее гулко ухало, будто выгибаясь под чьим-то весом. Стащив к лежанке пожелтевшие книги, он рассматривал картинки, но время все же тянулось очень медленно. Максим совсем измучился, дожидаясь деда.

— Ну, где тебя носило-то? — ругалась на него бабушка.

— Да вот еще по дороге в лес заглянул.

— Как же теперь без ружья-то?

— Да чего-нибудь придумаем.

Он поставил на пол сумку и расстегнул ее.

— Смотри, Максим! — И вывалил на пол ежа, который, словно огромный репейник, выкатился на пол. — Леший тебе передал. Говорит, снеси внуку, чтоб за ружье не так переживал. Если он будет себя хорошо вести, говорит, скоро верну.

С наступлением ночи еж устал лежать на подстилке, сооруженной Максимом, зашевелился и, попрыгав немного, часто застучал по половице короткими ножками.

Долго лежал Максим, стараясь не испугать ежа, а тот все топал и пыхтел.

— Вот же, нечистый! — не выдержала в дальней комнате бабушка. — Наказание! — Она слезла с кровати и вошла в комнату Максима.

— Где тут этот окаянный?

— Он под кроватью, — прошептал Максим.

Бабушка под села на край кровати.

— Давай-ка мы его отпустим с тобой.

— Бабуль, пускай еще немного поживет. Да и дед заругается.

— Не заругается, он не узнает. Он в терраске заперся и не открывает. Ему там хорошо, а мы тут с этим бесом. Леший-то ему, небось, специально подкинул в наказание. Думает, не поспит пару ночек, одумается. Дед у нас протак.

— Снеси-ка, Максим, его на улицу. Я вот тебе сейчас голицы принесу. Пускай он обратно себе бежит. В лесу ему лучше будет. Помнишь, как вчера леший рассердился за теленочка, как грозой гремел? Давай отпустим от греха подальше.

Погода этой ночью стояла ясная, ни одного облака. Звезд понасыпало, аж, бело в небе!

Шуршит еж в траве, все дальше и дальше убегает. Подошел Максим тихонько к террасе, прижался ухом к дверному замку, из которого с ночной прохладой доносилось сонное бормотание деда. И подумалось Максиму, как только еж добежит до леса, сразу все наладится, и дед перестанет переживать.